

КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУД ЛАТВИЙСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Решение
именем Латвийской Республики
по делу № 2014-34-01
Рига, 8 апреля 2015 года

Конституционный суд Латвийской Республики в следующем составе: председатель судебного заседания Алдис Лавиньш, судьи Каспарс Балодис, Кристине Крума, Гунарс Кусиньш, Улдис Кинис, Санита Осипова и Инета Зиемеле,

в связи с конституционной жалобой Татьяны Каргиной (далее – Заявитель),

на основании статьи 85 Конституции Латвийской Республики и пункта 1 статьи 16, пункта 11 части первой статьи 17, а также статей 19² и 28¹ Закона о Конституционном суде,

в письменном процессе на заседании 10 марта 2015 года рассмотрел дело

«О соответствии пункта 1 части второй статьи 36, статьи 42 и слов „с конфискацией имущества или без таковой“ части третьей статьи 177 Уголовного закона второму и третьему предложениям статьи 105 Конституции Латвийской Республики».

Констатирующая часть

1. Пункт 1 части второй статьи 36 Уголовного закона предусматривает:

«[Кроме основного наказания, осужденный может быть приговорен к следующим дополнительным наказаниям]: 1) конфискация имущества».

Статья 42 Уголовного закона предусматривает:

«(1) Конфискацией имущества является принудительное безвозмездное отчуждение находящегося в собственности осужденного имущества в собственность государства. Конфискация имущества может быть назначена в качестве дополнительного наказания. Конфискация может подвергнуться также находящееся в собственности осужденного имущество, которое осужденный передал другому физическому или юридическому лицу.

(2) Конфискация имущества может быть назначена только в случаях, предусмотренных особенной частью настоящего закона.

(3) Суд, назначая конфискацию имущества, конкретно указывает, какое имущество подлежит конфискации. Назначая конфискацию за преступное деяние против безопасности дорожного движения, суд применяет ее к транспортному средству.

(4) Законом определяется необходимое осужденному или находящимся на его иждивении лицам имущество, которое не подлежит конфискации».

Часть третья статьи 177 Уголовного закона предусматривает:

«Мошенничество, совершенное в крупных размерах, или совершенное организованной группой, или же совершенное в целях приобретения наркотических, психотропных, сильнодействующих, ядовитых или радиоактивных веществ, взрывчатых веществ, огнестрельного оружия или боеприпасов, —

наказывается лишением свободы на срок от двух до десяти лет с конфискацией имущества или без таковой и с полицейским контролем в течение срока до трех лет или без такового».

2. Заявитель просит Конституционный суд признать оспариваемые нормы не соответствующими второму и третьему предложениям статьи 105 Конституции Латвийской Республики (далее – Конституция). Заявитель оспаривает институт конфискации имущества как вид наказания, поэтому содержащаяся в заявлении аргументация относится ко всем оспариваемым нормам в совокупности и не содержит специальных аргументов, которые бы относились к каждой из оспариваемых норм в отдельности.

Заявитель судебным решением признана виновной в совершении преступного деяния, предусмотренного частью третьей статьи 177 Уголовного закона. В качестве дополнительного наказания к ней была применена конфискация имущества, причем конфискация была обращена на денежные средства, размещенные на одном из банковских счетов Заявителя. Таким образом, к Заявителю были применены оспариваемые нормы в совокупности.

Заявитель указывает, что статья 105 Конституции защищает право лица на собственность. Применяемое же в уголовном процессе дополнительное наказание – конфискация имущества – ущемляет основные права Заявителя, гарантированные ей статьей 105 Конституции, так как в результате этого наказания у нее отнимается право собственности на конфискованные денежные средства.

Правомерность процедуры принятия оспариваемых норм и легитимная цель установленного в них ограничения основных прав в заявлении не оспариваются. Однако, по мнению Заявителя, конфискация легально полученного имущества не соответствует принципу

соразмерности, если конфискованное имущество не связано с совершением преступного деяния.

Чтобы оценить, пригодны ли оспариваемые нормы для достижения легитимной цели, необходимо проверить, достигает ли конфискация имущества как вид наказания целей наказания, предусмотренных в части второй статьи 35 Уголовного закона. По мнению Заявителя, конфискация законно приобретенного имущества как вид уголовного наказания не подходит для достижения предусмотренных в Уголовном законе целей наказания.

Заявитель считает, что легитимной цели оспариваемых норм можно достигнуть средствами, в меньшей степени ограничивающими права лица. Если цель законодателя – предусмотреть наказание, последствием которого является уменьшение имущества индивидуума, можно предусмотреть денежный штраф, определив также его минимальный и максимальный пределы. Для конфискации имущества как наказания не установлен максимальный предел, поэтому она не соответствует также требованиям определенности и предсказуемости. Следовательно, цели уголовного наказания можно достигнуть средствами, в меньшей степени ограничивающими права индивидуума.

Польза, которую от конфискации законно приобретенного имущества получает общество, не превосходит ущерба, наносимого интересам индивидуума. Конфискованное имущество без изменения его состава переходит из собственности лица в собственность государства, следовательно, государство, т. е. общество, получает в собственность ту же денежную сумму, которую в случае конфискации теряет индивидуум.

После ознакомления с материалами дела Заявитель представила свое мнение в письменной форме. В нем указано, что законодатель сам ограничил свою свободу действий, определив цели уголовного наказания в части второй статьи 35 Уголовного закона. Конфискация имущества как

вид наказания должна одновременно достигать всех упомянутых целей, иначе такой вид наказания следует считать не соответствующим Конституции. Заявитель также указывает, по какой причине она не согласна с отдельными соображениями приглашенных лиц.

3. Орган, издавший оспариваемый акт, – Сазйма (Парламент Латвийской Республики) – не согласен с мнением Заявителя и считает, что оспариваемые нормы соответствуют статье 105 Конституции.

Статья 105 Конституции предусматривает право государства не только регулировать, ограничивать и контролировать использование собственности, но и в определенных случаях осуществлять отъем собственности. Конфискацию имущества можно расценивать как ограничение основных прав, закрепленных в первых трех предложениях статьи 105 Конституции.

Сазйма считает, что оспариваемые нормы имеют несколько легитимных целей – защищать демократическое государственное устройство, безопасность общества, а также права других лиц. С такой формулировкой легитимной цели конфискации имущества Конституционный суд уже согласился в решении о прекращении судопроизводства по делу № 2010-31-01.

Законодатель имеет широкую свободу действий в сфере политики наказаний, в компетенции же Конституционного суда – проверить, не имеет ли места очевидное нарушение законодателем границ его свободы действий, установленных в Конституции. Решение законодателя о том, какое наказание или дополнительное наказание за совершение конкретного преступного деяния будет соразмерным или необходимым, является вопросом политики наказаний. Кроме того, Конституционный суд сам себя ограничил в отношении проверки конституционности наказаний, предусмотренных в Уголовном законе, сочтя это вопросом

политики наказаний, находящимся вне компетенции Конституционного суда.

Сазйма указывает, что она приняла во внимание и в законодательном процессе устранила все недостатки правового регулирования конфискации имущества, на которые ранее указал Конституционный суд. Во-первых, в приложении 4 к закону «О порядке вступления в силу и применения Уголовного закона» определено имущество, которое не подлежит конфискации у осужденного или его иждивенцев. Во-вторых, конфискация имущества как основное наказание исключена из Уголовного закона, и ее применение сохранено единственно как дополнительное наказание. В связи с этим Сазйма пересмотрела наказания, включенные в особенную часть Уголовного закона, и указала конкретные случаи, в которых подлежит сохранению конфискация имущества как дополнительное наказание. В-третьих, законодатель предоставил суду свободу действий при принятии решения о применении и размере конфискации имущества в каждом конкретном случае. В-четвертых, в Уголовном законе предусмотрено, что суд, назначая конфискацию имущества, должен конкретно указать имущество, подлежащее конфискации. Заявитель не указала, каким именно образом законодатель допустил очевидное нарушение границ своей свободы действий, предусмотренных Конституцией.

После ознакомления с материалами дела Сазйма представила дополнительные пояснения, в которых выражается мнение, что Заявитель необоснованно связывает легитимную цель установленного оспариваемыми нормами ограничения основных прав с целями наказания, определенными в части второй статьи 35 Уголовного закона. В рамках конституционной жалобы в Конституционном суде подлежит оценке единственно то, не совершил ли законодатель очевидное нарушение границ своей свободы действий, предусмотренных Конституцией.

В разных государствах мира имеют место существенно различные гражданские, политические, экономические, социальные и культурные условия, поэтому также системы и принципы уголовного права в этих государствах, а также используемые ими в этой сфере решения часто бывают столь же различны. Каждое суверенное государство само решает, как лучше всего разрешать проблемы, возникающие на его территории, разумеется, обеспечивая то, что соответствующие решения будут вписываться в приемлемые для демократических государств рамки. Таким образом, не Конституционный суд, а единственно сам законодатель имеет право и обязанность реагировать на смену ценностей, происходящую в правовом сознании общества.

4. Приглашенное лицо – Министерство юстиции Латвийской Республики – указывает, что Конституционный суд в решении о прекращении судопроизводства по делу № 2010-31-01 уже рассмотрел отдельные вопросы, связанные с конфискацией имущества. Несмотря на то, что дело было прекращено, в упомянутом решении Конституционный суд отметил отдельные недостатки регулирования применения и исполнения наказания в виде конфискации имущества.

Министерство юстиции разработало несколько законопроектов, целью которых было устранение указанных Конституционным судом недостатков, и эти законопроекты были приняты в Сазьме. Поправками от 13 декабря 2012 года в Уголовном законе была существенно сужена возможность применения конфискации имущества в качестве наказания. В статье 42 Уголовного закона на настоящий момент предусмотрено, что конфискация имущества может применяться единственно в качестве дополнительного наказания. На суды возложена обязанность конкретно указывать, какое имущество подлежит конфискации. Существенно пересмотрены включенные в особенную часть Уголовного закона

санкции в отношении конфискации имущества, и конфискация имущества определена как применяемое на альтернативной основе, а не обязательное дополнительное наказание. В свою очередь, в закон «О порядке вступления в силу и применения Уголовного закона» поправками от 15 мая 2013 года был включен список имущества, которое не подлежит конфискации у осужденного лица или лиц, находящихся на его иждивении.

Упомянутыми поправками были устранены проблемы, на которые указал Конституционный суд, однако, по мнению Министерства юстиции, они не устраняют главную проблему, связанную с соразмерностью конфискации имущества как наказания и ее соответствием Конституции и признанным на международном уровне правам человека. Легитимной цели конфискации имущества можно достигнуть единственно в том случае, если конфискуется имущество, приобретенное в результате преступного деяния или связанное с преступным деянием, или же орудие совершения преступного деяния, но не в тех случаях, когда конфискуется имущество лица, приобретенное законным путем.

Конфискация имущества, приобретенного законным путем, не подходит для достижения легитимной цели, так как легитимной цели можно достигнуть единственно посредством конфискации незаконно приобретенного имущества. Безопасность и нравственность общества следует защищать, применяя другие виды наказания. Легитимной цели можно достигнуть средствами, в меньшей степени ограничивающими права индивидуума, так как определенные в Уголовном законе цели наказаний могут достигаться посредством денежных штрафов. Кроме того, денежный штраф может быть заменен тюремным заключением, и таким образом будет обеспечена неизбежность наказания. Польза, получаемая обществом, не превосходит наносимый лицу ущерб, так как конфискация имущества осуществляется в предусмотренном Гражданско-

процессуальным законом порядке, который, в свою очередь, требует значительных вложений от государства.

Конфискации у лица должно подлежать единственно такое имущество, которое было получено преступным путем или использовано для совершения преступного деяния. Кроме того, такую конфискацию следовало бы применять не в качестве наказания, а в качестве изъятия средств, полученных преступным путем, так как лицо не имеет права использовать полученные преступным путем блага. Как в практике Европейского суда по правам человека (далее – ЕСПЧ), так и в обязательных для Латвии международных договорах внимание уделяется именно конфискации имущества, приобретенного преступным путем. Уголовно-процессуальный закон содержит достаточно обширное регулирование конфискации имущества, полученного преступным путем, однако его применению препятствует чрезмерно широкое применение конфискации имущества как вида наказания.

Ввиду вышеизложенного Министерство юстиции считает оспариваемые нормы и конфискацию имущества как вид наказания не соответствующими статье 105 Конституции. Статье 105 Конституции соответствует применение конфискации единственно в отношении имущества, приобретенного преступным путем или связанного с преступным деянием, или же в отношении орудий совершения преступного деяния.

5. Приглашенное лицо – Министерство внутренних дел Латвийской Республики – считает, что предусмотренное статьей 105 Конституции право на собственность нельзя интерпретировать в отрыве от необходимости обеспечивать защиту прав других лиц. Таким образом, государство обязано назначать справедливые наказания за уголовно наказуемые преступные деяния.

Конфискация имущества допустима, однако как ее правовая база, так и ее применение действительно должны отвечать строго установленным критериям. Во-первых, конфискация имущества может осуществляться только на основании достаточно ясного и конкретного закона, в котором даны четкие определения всех ситуаций, в которых собственность лица может быть безвозмездно отчуждена. Во-вторых, справедливой должна быть также процедура применения конфискации, то есть, в каждой ситуации должна оцениваться соразмерность применения конфискации имущества, и в процессе применения конфискации имущества лицам, на чье имущество конфискация может быть направлена, должны быть обеспечены процессуальные гарантии, достаточные для того, чтобы они могли эффективно защитить свои права.

Конфискация имущества является эффективным средством, при помощи которого можно достигнуть предусмотренных в статье 35 Уголовного закона целей наказания – защитить безопасность общества, а также добиться того, чтобы осужденный и другие лица соблюдали закон и воздерживались от совершения преступных деяний. Конфискацию имущества можно сравнить с другим видом уголовного наказания – денежным штрафом. В обоих случаях целью является наказание лица имущественным взысканием. Кроме того, конфискацию имущества можно обратить единственно на имущество осужденного лица, в отличие от денежного штрафа, который осужденный может уплатить также из средств третьих лиц. Таким образом, именно конфискация имущества наиболее эффективным образом обеспечивает достижение целей наказания.

Изложенное в заявлении мнение, что для конфискации имущества не установлен максимальный предел и поэтому такое наказание является непредсказуемым и неправомерным, необоснованно. Законодатель

определил имущество, которое не подлежит конфискации, и таким образом был установлен максимальный предел конфискации имущества.

По мнению Министерства внутренних дел, конфискация имущества как вид наказания и оспариваемые нормы следует считать соответствующими статье 105 Конституции.

6. Приглашенное лицо – Верховный суд Латвийской Республики – считает, что оспариваемые нормы соответствуют второму и третьему предложениям статьи 105 Конституции. Предусмотренное в оспариваемых нормах ограничение установлено законом, принятым в надлежащем порядке, и имеет легитимную цель.

В Латвии имеются проблемы с исполнением наказания конфискацией имущества, однако их нельзя решать путем исключения конфискации имущества из системы уголовных наказаний. Возможные проблемы с исполнением какого-либо вида наказания сами по себе не означают, что такой вид наказания не соответствует легитимной цели; существуют возможности усовершенствования порядка применения соответствующего вида наказания. Конфискация имущества является таким видом наказания, цель которого не связана с отчуждением имущества, приобретенного преступным путем. Такие вопросы разрешаются не оспариваемыми нормами, а нормами Уголовно-процессуального закона. Конфискацию имущества как вид наказания следует сравнивать с денежным штрафом, и ее цель состоит не в отчуждении приобретенного преступным путем, а в наказании лица имущественным взысканием.

Законодатель устранил те проблемы правового регулирования конфискации имущества, на которые ранее указал Конституционный суд. Из решения суда апелляционной инстанции вытекает, что к Заявителю были применены оспариваемые нормы в усовершенствованной

законодателем редакции. Суд отклонил мнение прокурора, что конфискации должно подлежать все принадлежащее Заявителю имущество, и обратил конфискацию имущества только на один из банковских счетов Заявителя. Таким образом, суд соразмерил применяемое наказание с характером совершенного преступного деяния, нанесенным ущербом и другими обстоятельствами.

Действующее на настоящий момент правовое регулирование конфискации имущества как дополнительного наказания соответствует второму и третьему предложениям статьи 105 Конституции.

7. Приглашенное лицо – Генеральная прокуратура Латвийской Республики – указывает, что конфискация имущества затрагивает гарантированные статьей 105 Конституции основные права. Однако эти права не являются абсолютными, так как право собственности может быть ограничено в соответствии с законом. Это требование соблюдено, так как ограничение права собственности установлено в Уголовном законе, который предусматривает конфискацию имущества как дополнительное наказание за совершенное преступное деяние.

Конфискация имущества, как и денежный штраф, является уголовным наказанием имущественного характера, отражающимся также на благосостоянии членов семьи или других близких виновного лица. Суду при применении санкций, предусмотренных в особенной части Уголовного закона, дается возможность оценить, является ли применение конфискации имущества необходимым для достижения целей наказания. Суд может учесть характер совершенного преступного деяния и вызванный им ущерб, личность виновного, смягчающие и отягчающие вину обстоятельства. Кроме того, суд, применяя конфискацию имущества, должен конкретно указать, какое имущество подлежит конфискации.

По мнению Генеральной прокуратуры, Сазйма устранила проблемы правового регулирования конфискации имущества, на которые ранее указал Конституционный суд. Таким образом, конфискация имущества является обоснованной и необходимой для достижения целей уголовного наказания.

8. Приглашенное лицо – Омбудсмен Латвийской Республики (далее – Омбудсмен) – указывает, что конфискацию имущества как уголовное наказание следует признать ограничением права собственности в понимании статьи 105 Конституции, которое в демократическом и правовом государстве допустимо, так как право собственности не является абсолютным.

ЕСПЧ заключил, что практика наказаний в государствах-членах очень различна. Существующие в мире различия между гражданскими, политическими, экономическими, социальными и культурными условиями повлияли на формирование системы уголовной юстиции в каждом государстве. Каждое государство само должно определять, как лучше всего разрешать проблемы, возникающие на его территории, при этом обеспечивая то, что соответствующие решения будут вписываться в приемлемые для демократических государств рамки.

Цели конфискации имущества как уголовного наказания не отличаются от целей любого другого уголовного наказания, и они указаны в части второй статьи 35 Уголовного закона. Среди этих целей – наказание лица за совершенное преступное деяние, а также удержание лиц от совершения преступных деяний. Конфискация имущества подходит для достижения легитимной цели, особенно в случаях, когда лицо желало противоправным путем получить материальные блага. Осознание того, что наказанием за получение материальных благ противоправным образом является конфискация личного имущества

лица, может удерживать лиц от совершения преступных деяний такого характера.

Установление конфискации имущества как вида наказания – политический выбор государства. Таким образом, нет оснований для оценки того, лучше ли иные виды наказаний подошли бы для наказания лица. В настоящем деле также отсутствуют основания для оценки законности приобретения конфискуемого имущества. Статья 105 Конституции защищает единственно собственность, приобретенную законным путем, и не дает права на имущество, полученное в результате преступного деяния. Предусмотренная в оспариваемых нормах конфискация имущества не является наказанием, применяемым с целью отчуждения полученного преступным путем имущества, а применяется подобно денежному штрафу, чтобы наказать лицо имущественным взысканием.

С точки зрения прав человека следует оценить то, содержит ли сформированная в государстве система механизм, который обеспечивает соразмерность применения конфискации имущества как вида наказания. В Латвии конфискацию имущества применяет судебная система, которая и отвечает за соразмерное применение этого вида наказания и соблюдение других правовых принципов. Кроме того, законодатель определил имущество, которое не подлежит конфискации, а также предоставил свободу действий судам, позволив им в каждом индивидуальном случае оценить, будет ли применение конфискации имущества соразмерно совершенному преступному деянию.

Конфискацию имущества как вид наказания нельзя признать крайне несоразмерной или очевидно бесчеловечной. Таким образом, оспариваемые нормы, по мнению Омбудсмана, следует признать соответствующими статье 105 Конституции.

9. Приглашенное лицо – Кафедра уголовного права Юридического факультета Латвийского университета – считает, что институт конфискации имущества входит в охват статьи 105 Конституции и должен рассматриваться как ограничение определенных в статье 105 Конституции основных прав. Ограничение права собственности установлено законом и имеет легитимную цель.

Приняв во внимание несовершенство правового регулирования конфискации имущества, на которые указал Конституционный суд, Сазэйма внесла в оспариваемые нормы поправки, направленные на усовершенствование регламентации института конфискации имущества. Конфискация имущества была исключена из видов основного наказания, и было уменьшено количество преступных деяний, за которые может быть назначена конфискация имущества. Кроме того, судам дана свобода действий, позволяющая им не применять конфискацию имущества. Такое регулирование обеспечивает соразмерность и индивидуализацию наказания и позволяет суду в каждом конкретном случае, оценив фактические обстоятельства дела, характер преступного деяния, нанесенный преступным деянием ущерб, а также личность обвиняемого, решить, следует ли и в каком размере следует применить конфискацию имущества.

Из статьи 64 Конституции вытекает право законодателя создать систему наказаний и установить наказания за конкретные преступные деяния. Выбор законодателя в отношении того, применение какого наказания или дополнительного наказания за совершение конкретного преступного деяния будет соразмерным или необходимым, является вопросом политики наказаний. Таким образом, законодатель имеет широкую свободу действий при установлении наказания, которое подлежит назначению за совершение каждого преступного деяния.

Альтернативным средством достижения легитимной цели могло бы стать усовершенствование регулирования конфискации средств, полученных преступным путем. Однако это не означает, что законодатель нарушил границы предоставленной ему свободы действий. Обязательные для Латвии международные правовые акты, которые регулируют конфискацию средств, полученных преступным путем, предусматривают обязанность государства принять меры, необходимые для достижения поставленных этими актами целей. Однако ни в одном из этих международных правовых актов нельзя найти запрет на назначение конфискации имущества как вида наказания. Таким образом, назначение конфискации имущества в качестве дополнительного наказания не противоречит предписаниям международных правовых актов.

Основание для того, чтобы оспариваемые нормы можно было признать не соответствующими статье 105 Конституции, не усматривается. Актуальная редакция оспариваемых норм позволяет суду в каждом конкретном случае оценить соразмерность конфискации имущества характеру совершенного деяния, целям наказания и интересам общества.

10. Приглашенное лицо – Юридический факультет Рижского Университета имени П. Страдиньша – указывает, что применение конфискации имущества является ограничением основных прав, закрепленных статьей 105 Конституции, однако это ограничение установлено законом и имеет легитимную цель.

Цель конфискации имущества как дополнительного наказания – наказать виновное лицо за совершение преступного деяния, а также служить достижению превентивных целей. В обществе, ориентированном на материальные ценности, конфискация имущества удерживает лиц от совершения преступных деяний и особенно подходит для достижения

превентивных целей. В случае отмены предусмотренного оспариваемыми нормами наказания конфискацией имущества одновременно необходимо будет в сторону расширения пересмотреть регулирование Уголовно-процессуального закона о конфискации имущества, полученного преступным путем.

После вынесения Конституционным судом решения о прекращении судопроизводства по делу № 2010-31-01 законодатель внес разнообразные усовершенствования в правовое регулирование конфискации имущества. Несмотря на то, что это можно считать положительным шагом на пути к приближению правового регулирования конфискации имущества к общеевропейскому пониманию, информация о функциях института конфискации имущества, содержащаяся в связанных с законопроектами документах, все же является неполной. По этой причине следует считать, что не был проведен надлежащий анализ института конфискации имущества, не было исследовано влияние конфискации имущества на право собственности, и не была оценена необходимость сохранения конфискации имущества в Уголовном законе.

Часть выводов

11. В заявлении оспаривается соответствие трех правовых норм второму и третьему предложениям статьи 105 Конституции.

Пункт 1 части второй статьи 36 Уголовного закона предусматривает конфискацию имущества как один из видов дополнительного наказания, применяемых в уголовных делах. Статья 42 Уголовного закона регламентирует общие условия применения конфискации имущества. В свою очередь, санкция, определенная в части третьей статьи 177 Уголовного закона, предусматривает конфискацию имущества как

возможное дополнительное наказание за предусмотренное в этой норме преступное деяние.

11.1. Термин «конфискация» происходит от латинского слова *confiscatio* – отобрание в казну. В латвийском уголовном праве и уголовном процессе термин «конфискация» используется в отношении следующих трех ситуаций: 1) конфискация имущества как уголовное наказание; 2) конфискация имущества, приобретенного преступным путем; 3) конфискация вещественных доказательств и документов (см. пункт 7.2 решения Конституционного суда от 6 января 2011 года о прекращении судопроизводства по делу № 2010-31-01).

Конфискацию полученного преступным путем имущества, а также конфискацию вещественных доказательств и документов регулирует шестой раздел Уголовно-процессуального закона – «Имущественные вопросы в уголовном процессе». Оспариваемые нормы не относятся к этим видам конфискации, и соответствие этих видов конфискации положениям Конституции в заявлении не оспаривается. Таким образом, в рамках настоящего дела конфискация имущества, полученного преступным путем, а также конфискация вещественных доказательств и документов оцениваться не будет.

В настоящем деле Конституционный суд оценит конфискацию имущества как предусмотренный Уголовным законом вид наказания.

11.2. Конфискацию имущества как вид наказания Конституционный суд оценивал в решении о прекращении судопроизводства по делу № 2010-31-01. В этом решении Конституционный суд указал соображения относительно возможных границ оценки дела и свободы действий законодателя в формировании политики наказаний. Кроме того, Конституционный суд указал на недостатки в правовом регулировании конфискации имущества, действовавшем на момент рассмотрения дела.

В упомянутом деле Конституционный суд заключил, что соответствие конфискации имущества как вида наказания положениям Конституции следует оценивать путем рассмотрения норм общей части Уголовного закона, а не путем оценки текста одной нормы особенной части Уголовного закона в отрыве от системы уголовных наказаний. В упомянутом деле не оспаривались нормы общей части Уголовного закона, регулирующие институт конфискации имущества. Поэтому Конституционный суд пришел к выводу, что продолжение судопроизводства невозможно (*см. решение Конституционного суда от 6 января 2011 года о прекращении судопроизводства по делу № 2010-31-01*).

В настоящем деле Заявитель оспаривает также нормы общей части Уголовного закона, регулирующие конфискацию имущества. Таким образом, в настоящем деле конституционность оспариваемых норм может быть оценена по существу.

11.3. Конституционный суд признал, что установление санкций за преступное деяние связано с пониманием демократии и правомерности в государстве, поэтому определение санкций, как политический вопрос, находится в компетенции законодателя. Конституционный суд, соблюдая принцип судебного самоограничения, не оценивает соразмерность содержащейся в правовой норме санкции составу преступного деяния (*см. пункт 29 решения Конституционного суда от 29 октября 2003 года по делу № 2003-05-01*).

Заявитель оспаривает соответствие конфискации имущества как правового института положениям Конституции. В свою очередь, санкция части третьей статьи 177 Уголовного закона оспаривается как норма, в соответствии с которой конфискация имущества как вид наказания была назначена Заявителю. Таким образом, Конституционный суд в настоящем

деле не будет оценивать конфискацию имущества как санкцию, предусмотренную за конкретное преступное деяние.

Соображения, указанные в письменном ответе Саэймы и мнениях приглашенных лиц, также по сути относятся к тому, соответствует ли Конституции конфискация имущества как правовой институт, а не к содержанию отдельных оспариваемых норм.

Ввиду вышеизложенного Конституционный суд, анализируя оспариваемые нормы, будет оценивать на предмет соответствия Конституции конфискацию имущества как единый правовой институт.

12. Статья 105 Конституции гласит: «Каждый имеет право на собственность. Собственность нельзя использовать вопреки интересам общества. Право на собственность может быть ограничено только согласно закону. Принудительное отчуждение собственности в интересах общества допустимо только в исключительных случаях на основании отдельного закона за справедливое возмещение».

В заявлении оспаривается соответствие института конфискации имущества второму и третьему предложениям статьи 105 Конституции, и дело было возбуждено именно о таком требовании. Конституционный суд признал, что конфискация имущества как вид наказания входит в охват второго и третьего предложений статьи 105 Конституции и подлежит оценке как ограничение основных прав, определенных статьей 105 Конституции (*см. пункт 8.4 решения Конституционного суда от 6 января 2011 года о прекращении судопроизводства по делу № 2010-31-01*).

12.1. При выяснении содержания основных прав, определенных в Конституции, необходимо учитывать международные обязательства Латвии в сфере прав человека. Международные нормы прав человека и

практика их применения на уровне конституционного права служат средством интерпретации, позволяющим определить содержание и объем принципов правового государства, в той мере, в какой это не приводит к уменьшению или ограничению основных прав, содержащихся в Конституции (см. пункт 5 части выводов решения Конституционного суда от 13 мая 2005 года по делу № 2004-18-0106 и пункт 11 решения Конституционного суда от 18 октября 2007 года по делу № 2007-03-01). Обязанность государства учитывать международные обязательства в сфере прав человека вытекает из статьи 89 Конституции, которая предусматривает, что государство признает и защищает основные права человека в соответствии с Конституцией, законами и обязательными для Латвии международными договорами. Эта статья ясно указывает на цель конституционного законодателя добиться гармонии между нормами прав человека, содержащимися в Конституции, и международными нормами прав человека (см., например, пункт 5 части выводов решения Конституционного суда от 30 августа 2000 года по делу № 2000-03-01 и пункт 11 решения Конституционного суда от 18 октября 2007 года по делу № 2007-03-01).

В рассматриваемом деле статью 105 Конституции следует рассматривать среди прочего во взаимосвязи со статьей 1 Первого протокола Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее – Конвенция), а также с практикой ее применения.

Статья 1 Первого протокола Конвенции определяет:

«Каждое физическое или юридическое лицо имеет право пользоваться своей собственностью. Ни у кого не может быть отнята его собственность, за исключением случаев, когда это происходит в публичных интересах и на условиях, предусмотренных законом и общими принципами международного права.

Вышеупомянутые положения не ограничивают право государства принимать законы, которые оно считает необходимыми для осуществления контроля за использованием собственности в соответствии с всеобщими интересами или для обеспечения уплаты налогов или других сборов или штрафов».

12.2. ЕСПЧ признал, что статья 1 Первого протокола Конвенции содержит три отдельных положения: первое, которое содержится в первом предложении первого пункта и носит общий характер, предусматривает право на беспрепятственную реализацию права собственности; второе, которое содержится во втором предложении первого пункта, регулирует отъем собственности и предусматривает определенные условия этого отъема; третье, которое содержится во втором пункте, наделяет государство полномочием по контролю за порядком использования собственности в соответствии со всеобщими интересами. Однако все эти положения взаимосвязаны: второе и третье положения относятся к вмешательству в беспрепятственную реализацию права собственности, и поэтому их следует интерпретировать с учетом принципа, закрепленного в первом положении (*см., например, пункт 134 решения Большой палаты ЕСПЧ от 22 июня 2004 года по делу Broniowski v. Poland, заявление № 31443/96, или пункт 93 решения Большой палаты ЕСПЧ от 25 октября 2012 года по делу Vistiņš and Perepjolkins v. Latvia, заявление № 71243/01*).

Конфискацию имущества в уголовном процессе во взаимосвязи со статьей 1 Первого протокола Конвенции ЕСПЧ оценивал главным образом в делах, связанных с конфискацией имущества, приобретенного преступным путем, или с конфискацией орудий совершения преступного деяния (*см., например, решения ЕСПЧ от 24 октября 1986 года по делу AGOSI v. the United Kingdom, заявление № 9118/80; от 6 апреля 2009 года по делу Ismayilov v. Russia, заявление № 30352/03 или от 13 мая 2014 года*

по делу *Paulet v. the United Kingdom*, заявление № 6219/08). ЕСПЧ не оценивал соответствие конфискации имущества как уголовного наказания нормам Конвенции, в том числе статье 1 ее Первого протокола.

В практике ЕСПЧ контроль за использованием собственности и отъем права собственности оцениваются различно в плане методологии. Поэтому необходимо учитывать то, каким образом ЕСПЧ различает эти вопросы в делах о конфискации имущества в рамках уголовного процесса.

ЕСПЧ указывает: несмотря на то, что конфискация имущества в уголовном процессе предполагает отъем права собственности, ее все же следует считать контролем за порядком использования собственности в понимании второго пункта статьи 1 Первого протокола (см., например, решения ЕСПЧ от 5 июля 2001 года по делу *Arcuri and Others v. Italy*, заявление № 52024/99; от 26 июня 2001 года по делу *S.M. v. France*, заявление № 28078/95; от 26 апреля 1995 года по делу *Air Canada v. the United Kingdom*, заявление № 18465/91; пункт 51 решения ЕСПЧ от 24 октября 1986 года по делу *AGOSI v. the United Kingdom*, заявление № 9118/80, и пункт 30 решения ЕСПЧ от 6 апреля 2009 года по делу *Ismayilov v. Russia*, заявление № 30352/03). Только в одном деле ЕСПЧ оценивал конфискацию имущества в уголовном процессе как отъем имущества. Такие действия были обоснованы особыми обстоятельствами конкретного дела (см. пункт 46 решения ЕСПЧ от 24 июля 2012 года по делу *Waldemar Nowakowski v. Poland*, заявление № 55167/11).

Таким образом, в практике ЕСПЧ конфискация имущества в рамках уголовного процесса обычно оценивается как контроль за правом собственности, а не как отъем права собственности. Контроль за правом собственности в используемой ЕСПЧ терминологии по сути схож с ограничением права собственности в терминологии, используемой Конституционным судом.

12.3. То, что статья 105 Конституции предусматривает беспрепятственную реализацию права собственности, а также право государства в интересах общества ограничить использование собственности, признал и Конституционный суд. Статья 105 Конституции предусматривает всеобъемлющую гарантию прав имущественного характера. Под «правом на собственность» следует понимать все права имущественного характера, которыми правомочное лицо может пользоваться себе во благо и которыми оно может распоряжаться по собственной воле (см., например, пункт 7 решения Конституционного суда от 27 октября 2010 года по делу № 2010-12-03 или пункт 15.2 решения Конституционного суда от 3 ноября 2011 года по делу № 2011-05-01).

Однако право на собственность в демократическом государстве не является абсолютным. Во-первых, право на собственность содержит в себе также социальную обязанность собственника по отношению к обществу – собственность нельзя использовать вопреки интересам общества. Во-вторых, право на собственность может быть ограничено на основании закона. Таким образом, право на собственность можно ограничить, если ограничения установлены законом, преследуют легитимную цель и соразмерны этой цели (см., например, пункт 12 решения Конституционного суда от 26 апреля 2007 года по делу № 2006-38-03 или пункт 7.2 решения Конституционного суда от 10 октября 2014 года по делу № 2014-04-03).

Конституционный суд уже признал, что конфискацию имущества как вид наказания нельзя рассматривать в контексте четвертого предложения статьи 105 Конституции, так как она не является принудительным отчуждением собственности на нужды общества за справедливое возмещение. Это предложение не регулирует ситуации, которые возникают в связи с исполнением назначенных государством мер

принуждения (см. пункт 8.2 решения Конституционного суда от 6 января 2011 года о прекращении судопроизводства по делу № 2010-31-01).

Необходимо учитывать, что контекст использования термина «отчуждение» в Уголовном законе отличается от контекста, в котором этот термин используется в четвертом предложении статьи 105 Конституции. Согласно части первой статьи 42 Уголовного закона, конфискация имущества как вид наказания означает принудительное безвозмездное отчуждение имущества, находящегося в собственности осужденного, в собственность государства. Конституционный суд уже указывал, что конфискация имущества как уголовное наказание применяется не с целью отчуждения средств, полученных преступным путем. В понимании Уголовного закона возможность применения этого наказания не связана с тем, каким путем лицо получило имущество. Например, тот факт, что имущество было унаследовано, получено в подарок или куплено на заработную плату, не является препятствием для его конфискации. Конфискация имущества в этом аспекте по сути схожа с денежным штрафом – ее цель состоит не в отчуждении полученного преступным путем, а в наказании лица имущественным взысканием (см. пункт 7.3 решения Конституционного суда от 6 января 2011 года о прекращении судопроизводства по делу № 2010-31-01).

Первое предложение статьи 105 Конституции защищает собственность лица, полученную законным путем, однако второе и третье предложения этой статьи позволяют государству законом ограничить право собственности в интересах общества. Наказание лица имущественным взысканием является обращением против его легально приобретенного имущества, следовательно, оспариваемые нормы следует считать ограничением права собственности в понимании статьи 105 Конституции.

В силу вышеизложенного оспариваемые нормы следует расценивать как ограничение основных прав, закрепленных статьей 105 Конституции.

13. Чтобы выяснить, является ли установленное оспариваемыми нормами ограничение права собственности Заявителя оправданным, Конституционному суду необходимо оценить следующее:

- 1) установлено ли ограничение основных прав законом;
- 2) имеет ли ограничение легитимную цель;
- 3) соразмерно ли ограничение своей легитимной цели.

14. Конституционный суд неоднократно указывал, что соблюдение порядка принятия правовой нормы является предпосылкой к ее действительности (см. пункт 10.4 решения Конституционного суда от 21 ноября 2005 года по делу № 2005-03-0306 и пункт 14 решения Конституционного суда от 23 сентября 2008 года по делу № 2008-01-03). Чтобы оценить соответствие содержащегося в оспариваемых нормах ограничения основных прав статье 105 Конституции, прежде всего необходимо проверить, установлено ли ограничение права собственности Заявителя законом, принятым в надлежащем порядке, т. е.:

- 1) принят ли закон с соблюдением предусмотренного в нормативных актах порядка;
- 2) был ли закон объявлен и доступен ли он публично в соответствии с требованиями нормативных актов;
- 3) достаточно ли ясно закон сформулирован для того, чтобы лицо могло понять содержание вытекающих из него прав и обязанностей и предвидеть последствия его применения, а также обеспечивает ли закон защиту от его произвольного применения (см. пункт 5 решения Конституционного суда от 16 декабря 2008 года по делу № 2008-09-

0106; пункт 10.1 решения Конституционного суда от 4 февраля 2009 года по делу № 2008-12-01 или пункты 96 и 97 решения Большой палаты ЕСПЧ от 25 октября 2012 года по делу *Vistiņš and Perepjolkins v. Latvia*, заявление № 71243/01).

В деле отсутствует спор о том, что оспариваемые нормы были приняты и объявлены в порядке, предусмотренном нормативными актами, и являются публично доступными. Однако Заявитель выражает мнение, что для наказания конфискацией имущества не установлен верхний предел, поэтому его следует признать наказанием, размер которого невозможно предвидеть. Такое наказание противоречит требованиям определенности и предсказуемости закона (*см. стр. 9 тома 1 материалов дела*).

14.1. То, являются ли оспариваемые нормы достаточно ясными, поддающимися пониманию и предсказуемыми, следует оценивать во взаимосвязи с предметом содержащегося в них правового регулирования.

Конституционный суд уже ранее указывал на особенности правового регулирования такой отрасли, как уголовное право, и признал: чем суровее возможное наказание, тем яснее должны быть регламентируемые законодателем предпосылки к наказанию лица. Однако обязанность принимать достаточно четкие нормы нельзя утрировать. В противном случае законы стали бы застывшими и слишком казуистичными и более бы не обеспечивали справедливость с учетом изменчивости отношений или особых обстоятельств конкретного дела. Такая ситуация стала бы еще более возможной, если бы законодатель вместо того, чтобы устанавливать наиболее существенные, применимые на протяжении длительного периода правила, в том числе предпосылки к наказанию, а также вид и меру наказания, слишком подробно описывал бы каждый правовой состав (*см. пункт 7.2 решения Конституционного суда от 16 декабря 2008 года по делу № 2008-09-0106*).

Законодатель в Уголовном законе определяет виды наказаний, санкции за совершение конкретных преступных деяний, а также их минимальные и максимальные пределы. В свою очередь, оценка соразмерности и индивидуализация наказания в каждом уголовном деле находится в компетенции суда. Суд, назначая наказание за преступное деяние, учитывает характер преступного деяния и нанесенный им ущерб, личность виновного, смягчающие и отягчающие вину обстоятельства, а также прочие соображения, предусмотренные главой 5 Уголовного закона (Назначение наказания). Так суд обеспечивает соразмерность и индивидуализацию наказания в каждом уголовном деле.

Таким образом, каждое лицо может ознакомиться с Уголовным законом и точно узнать границы санкции, предусмотренной законодателем за совершение конкретного преступного деяния. Однако единственно суд может в предусмотренных законодателем пределах окончательно назначить наказание за совершение конкретного преступного деяния.

14.2. Согласно регулированию Уголовного закона, действовавшему до 1 апреля 2013 года, конфискация имущества как вид наказания могла распространяться на все имущество осужденного лица (с определенными исключениями, вытекавшими из судебной практики). 1 апреля 2013 года в силу вступили поправки к Уголовному закону, которыми было существенно изменено правовое регулирование конфискации имущества. Этими поправками законодатель сузил круг преступных деяний, за которые вообще может назначаться конфискация имущества, и предусмотрел конфискацию имущества единственно как дополнительное наказание. Кроме того, судам была отведена более широкая свобода действий по назначению конфискации имущества.

Согласно частям первой и второй статьи 42 Уголовного закона, а также санкциям, предусмотренным нормами его особенной части,

применение конфискации имущества более не является обязательным. Таким образом, суд, назначая наказание за совершенное преступное деяние, может не применять конфискацию имущества.

В свою очередь, часть третья статьи 42 Уголовного закона возлагает на суд обязанность при назначении конфискации имущества конкретно указать, какое имущество подлежит конфискации. Конфискацию имущества более не обязательно распространять на все имущество осужденного лица, и она подлежит применению соразмерно ущербу, вызванному преступным деянием, и в соответствии с другими принципами назначения наказания.

В соответствии с требованием части четвертой статьи 42 Уголовного закона, Саэйма приняла поправки к закону «О порядке вступления в силу и применения Уголовного закона», которые вступили в силу 16 мая 2013 года. В результате этих поправок соответствующий закон был дополнен приложением 4 – «Имущество, не подлежащее конфискации у осужденного лица или лиц, находящихся на его иждивении». В этом приложении среди прочего установлен запрет на конфискацию находящегося в собственности или совместной собственности осужденного жилища, которое является единственным жилищем осужденного и в котором он проживает повседневно, различных бытовых предметов, продовольственных продуктов, а также денег в размере минимальной месячной заработной платы на осужденного и каждого члена его семьи. Это правовое регулирование по сути определяет максимальный предел применяемой конфискации имущества.

Упомянутый список имущества следует оценивать во взаимосвязи с предусмотренной частью третьей статьи 42 Уголовного закона обязанностью суда конкретно указать, какое имущество подлежит конфискации. Из вышесказанного вытекает цель законодателя установить

ответственность за совершение преступного деяния, предусматривающую наказание лица имущественным взысканием и одновременно сохранение в распоряжении лица минимум вещей, необходимый для жизни и продолжения законной профессиональной деятельности. Суд не только имеет право в предусмотренных Уголовным законом случаях назначить конфискацию имущества, но и обязан оценить соразмерность этого наказания совершенному преступному деянию, а также определить минимум имущества, необходимый лицу и его семье.

14.3. Действующее на настоящий момент регулирование Уголовного закона четко предусматривает, за совершение каких преступных деяний конфискация имущества может быть назначена. Кроме того, установлены границы применения конфискации имущества как вида наказания, то есть, с одной стороны, суду позволено конфискацию имущества вообще не применять и, с другой стороны, определено имущество, которое не подлежит конфискации. Такое правовое регулирование позволяет лицу понять, каковы минимальный и максимальный пределы конфискации имущества как вида наказания.

То обстоятельство, что судам необходимо выбирать наиболее подходящий вид и размер наказания в установленных законодателем пределах, соответствует особенностям применения уголовных наказаний. Так обеспечивается индивидуализация наказания в каждом рассматриваемом уголовном деле. Таким образом, закон обеспечивает достаточную защиту от его произвольного применения.

Следовательно, ограничение основных прав установлено законом, принятым в надлежащем порядке.

15. При оценке конституционности оспариваемых норм легитимную цель ограничения основных прав следует оценивать во взаимосвязи с

целями наказания, определенными в части второй статьи 35 Уголовного закона.

Конфискация имущества, как и каждое уголовное наказание, направлена на достижение целей наказания, определенных в части второй статьи 35 Уголовного закона, то есть на защиту безопасности общества, восстановление справедливости, наказание виновного лица за совершенное преступное деяние, ресоциализацию наказываемого лица и достижение того, чтобы осужденный и другие лица исполняли законы и воздерживались от совершения преступных деяний. Такие цели наказания помогают защищать демократическое государственное устройство, безопасность общества и права других лиц (*см. пункт 11 решения Конституционного суда от 6 января 2011 года о прекращении судопроизводства по делу № 2010-31-01*). Упомянутые цели считаются легитимными целями ограничения основных прав в понимании Конституции.

Таким образом, ограничение основных прав имеет легитимные цели: защищать демократическое государственное устройство, безопасность общества и права других лиц.

16. Оценивая соразмерность ограничения основных прав, Конституционный суд проверяет:

1) пригодны ли подобранные средства для достижения легитимной цели, то есть можно ли при помощи выбранного средства достигнуть легитимной цели;

2) являются ли такие действия необходимыми, то есть нельзя ли легитимной цели достигнуть средствами, в меньшей степени ограничивающими права индивидуума;

3) адекватно ли ограничение, то есть превосходит ли польза, которую получает общество, ущерб, наносимый правам индивидуума.

Если при оценке правовой нормы признается, что эта норма не соответствует хотя бы одному из приведенных выше критериев, норма не соответствует также принципу соразмерности и является противоправной (см., например, пункт 11 решения Конституционного суда от 16 мая 2007 года по делу № 2006-42-01 или пункт 12 решения Конституционного суда от 18 марта 2011 года по делу № 2010-50-03).

В то же время необходимо учитывать, что Конституционный суд неоднократно указывал на принцип самоограничения суда в сфере политики наказаний. Рассматривая дела, касающиеся конституционности определенных в Уголовном законе санкций, Конституционный суд должен учитывать, что законодатель в сфере политики наказаний обладает широкой свободой действий, однако в компетенции Конституционного суда находится проверка того, не имело ли место очевидное нарушение законодателем границ свободы действий, которую представляет ему Конституция (см. пункт 29 решения Конституционного суда от 29 октября 2003 года по делу № 2003-05-01 и пункт 5 решения Конституционного суда от 6 января 2011 года о прекращении судопроизводства по делу № 2010-31-01). Несмотря на то, что упомянутые выводы изложены в делах о санкциях отдельных уголовных наказаний, выбор видов наказаний также является вопросом политики наказаний.

17. Оценивая то, пригодны ли подобранные средства для достижения легитимной цели, Конституционный суд проверяет, можно ли при помощи подобранных средств достигнуть легитимной цели.

Заявитель выражает мнение, что каждое уголовное наказание должно достигать всех определенных в части второй статьи 35 Уголовного закона целей наказания, однако посредством установленного

в оспариваемых нормах ограничения основных прав невозможно достигнуть почти ни одной из этих целей.

Конституционный суд уже ранее указал на тесную связь между легитимными целями ограничения основных прав и целями наказания, определенными в части второй статьи 35 Уголовного закона. Тем не менее, необходимо учитывать, что эти понятия не синонимичны. В контексте принципа соразмерности оценивается соответствие ограничения основных прав легитимным целям.

Поскольку уголовные наказания формируют единую систему, легитимную цель ограничения основных прав в данном случае следует относить ко всей системе уголовных наказаний, а не просто к конфискации имущества как отдельному виду наказания. Чтобы регулировать поведение лиц и удерживать их от совершения преступных деяний, государство должно предусмотреть ответственность лица за противоправные действия. Назначение наказания за преступное деяние направлено на защиту демократического государственного устройства, безопасности общества и прав других лиц. Таким образом, конфискация имущества как вид наказания также достигает легитимной цели ограничения основных прав.

Следовательно, подобранные средства пригодны для достижения легитимной цели.

18. Оценивая то, необходимы ли подобранные средства для достижения легитимной цели, Конституционный суд проверяет, нельзя ли легитимной цели достигнуть средствами, в меньшей степени ограничивающими права индивидуума.

Заявитель выражает мнение, что в случае, если законодатель желал предусмотреть наказание, последствием которого является уменьшение имущества индивидуума, этого можно было достигнуть посредством

денежного штрафа. Для денежного штрафа четко установлен максимальный размер, и денежный штраф следует считать наказанием, в меньшей степени ограничивающим права индивидуума по сравнению с конфискацией имущества.

Оценивая то, можно ли легитимной цели достигнуть более щадящим способом, Конституционный суд учитывает, что более щадящим средством является не любое другое средство, а лишь такое, при помощи которого легитимной цели можно достигнуть на том же качественном уровне. Выясняя возможность более щадящего решения, суд не может действовать вместо законодателя и государственного управления (см. пункт 19 части выводов решения Конституционного суда от 13 мая 2005 года по делу № 2004-18-0106).

Согласно части второй статьи 41 Уголовного закона, максимальный размер денежного штрафа составляет 200 минимальных месячных заработных плат, то есть 72 тысячи евро (рассчитано исходя из размера минимальной заработной платы на день вынесения настоящего решения). Суд, применяя к Заявителю конфискацию имущества, отнес это наказание к размещенным на банковском счете денежным средствам, размер которых во много раз превышает максимальный размер денежного штрафа. В случаях же, когда осужденное лицо не имеет никакой значительной собственности, максимальный размер денежного штрафа может во много раз превышать стоимость имущества, которое может быть отчуждено у этого лица в результате применения к нему конфискации имущества. Таким образом, то, который из упомянутых видов наказания следует считать более суровым, по сути зависит от имущественного положения осужденного лица. На отсутствие основания для дискуссии о том, будет ли замена конфискации имущества денежным штрафом являться более соразмерным средством с точки зрения защиты

закрепленных в статье 105 Конституции основных прав, обоснованно указывает и Омбудсмен (*см. стр. 65 тома 2 материалов дела*).

По мнению Конституционного суда, из того лишь, что какой-либо вид наказания является менее ограничивающим по отношению к конкретному осужденному лицу, не вытекает обязанность законодателя предусматривать единственно такой вид наказания. Законодатель в политическом процессе вправе выбирать наиболее адекватные виды наказаний и санкции за преступные деяния, предусмотренные в особенной части Уголовного закона. Суд, в свою очередь, в каждом индивидуальном случае назначает наиболее подходящее наказание в предусмотренных законодателем пределах.

Свободу действий государств-участников Конвенции при формировании политики наказаний и выборе наиболее подходящих наказаний признает также и ЕСПЧ. Государства могут выбирать отвечающие требованиям Конвенции виды наказания, особенно в случаях, когда конкретное наказание применять не обязательно и оно применяется независимым судьей после оценки всех отягчающих или смягчающих вину обстоятельств по конкретному делу (*для сравнения: пункты 105 и 106 решения Большой палаты ЕСПЧ от 9 июля 2013 года по делу Vinter and others v. the United Kingdom, заявления № 66069/09, № 130/10 и № 3896/10*).

Для обеспечения индивидуализации и соразмерности наказания за совершенное преступное деяние законодателю необходима свобода действий по установлению разнообразных видов наказания – более легких, назначаемых за менее значительные преступные деяния, и более суровых, подлежащих назначению за более тяжкие преступные деяния. Кроме того, каждый вид наказания уникален, так как отличается от других по суровости и ограничивает отличные права или свободы человека. Спектр видов наказания должен обеспечивать возможность

выбрать наиболее подходящее наказание, которое суд может назначить за каждое конкретное преступное деяние. Виды наказания не могут сравниваться между собой или оцениваться как более или менее щадящие средства, и, следовательно, не существует менее ограничивающих средств, при помощи которых легитимной цели возможно достигнуть на том же качественном уровне.

Таким образом, подобранные средства необходимы для достижения легитимной цели.

19. Оценивая то, соответствует ли ограничение основных прав своей легитимной цели, Конституционный суд проверяет, превосходит ли польза, которую получает общество, ущерб, наносимый правам индивидуума.

Заявитель выражает мнение, что в случае применения конфискации имущества конфискованное имущество без изменения его состава переходит из собственности лица в собственность государства. Государство, то есть общество, получает такую же денежную сумму, какую в результате конфискации имущества утрачивает осужденное лицо. По мнению Заявителя, нет оснований считать, что обществу конфискованное имущество необходимо. Таким образом, общество не получает пользы, превосходящей наносимый индивидууму ущерб.

Конституционный суд указывает, что уголовные наказания применяются не для того, чтобы обеспечить доход в бюджет государства. Польза обществу, которая обеспечивается посредством осуществления уголовной юстиции, состоит в защите демократического государственного устройства, безопасности общества и прав других лиц. Имущественная ценность таких интересов общества не поддается исчислению. Таким образом, ограничение прав лица не подлежит непосредственному сравнению с получаемой обществом пользой.

Можно согласиться с Юридическим факультетом Рижского Университета имени П. Страдиньша в том, что в обществе, ориентированном на материальные ценности, обращение против имущественных интересов лиц является особенно подходящим средством удержания лиц от совершения преступных деяний, кроме того, за более тяжкие нарушения может быть применено более суровое наказание (см. стр. 49 тома 2 материалов дела).

По сравнению с ранее существовавшим правовым регулированием на настоящий момент возможности применения конфискации имущества в Уголовном законе значительно сужены. Это свидетельствует о том, что законодатель, приняв во внимание текущую ситуацию, взвесил, в каких случаях и в каком порядке следует применять конфискацию имущества. Именно возможность утраты имущества является подходящим средством для удержания лиц от совершения преступных деяний имущественного характера. Таким образом, польза, которую получает общество, превосходит ущерб, наносимый правам индивидуума.

Следовательно, ограничение основных прав соответствует как легитимной цели, так и принципу соразмерности в целом.

Оспариваемые нормы соответствуют статье 105 Конституции.

20. Выбор видов наказания, определяемых в Уголовном законе, является политическим решением и находится в компетенции законодателя. В свою очередь, Конституционный суд может проверить единственно то, не имело ли место очевидное нарушение законодателем границ его свободы действий.

Однако Конституционный суд обращает внимание Сазймы на то, что часть государств Европы отказалась от конфискации имущества как вида наказания в уголовном праве и отдала предпочтение более обширной конфискации нелегально приобретенного имущества и имущества,

связанного с преступным деянием. Это указывает на развитие целей наказания и изменение ценностей в европейском правовом пространстве.

По этой причине также Саэиме следует периодически переоценивать необходимость сохранения конфискации имущества как вида наказания, учитывая смену ценностей, происходящую в правовом сознании латвийского общества, а также международные обязательства государства в сфере прав человека.

Постановляющая часть

На основании статей 30–32 Закона о Конституционном суде
Конституционный суд

постановил:

Признать пункт 1 части второй статьи 36, статью 42 и слова «с конфискацией имущества или без таковой» части третьей статьи 177 Уголовного закона соответствующими статье 105 Конституции Латвийской Республики.

Решение окончательно и обжалованию не подлежит.

Решение вступает в силу в момент его оглашения.

Председатель судебного заседания

А. Лавиньш